

АРАБСКАЯ ВЕСНА: БОЛЕЗНЕННЫЙ ПРОЦЕСС С НЕЯСНЫМ ФИНАЛОМ¹

Д. Верне

Реакция Запада на кровопролитие в Каире напоминает один анекдот, который из поколения в поколение рассказывают во французском МИДе. В ответ на волнения в стране X, в результате которых гибнет несколько десятков человек, министр иностранных дел выражает «обеспокоенность» Парижа. Такая осторожная формулировка вызывает удивление молодого дипломата, который задается вопросом, как бы она выглядела, если бы число жертв достигло нескольких сотен. Ответ: мы «крайне обеспокоены». Западные правительства действительно весьма обеспокоены, но не могут понять, какой линии поведения им стоит придерживаться по отношению к последним событиям. Что это вообще, государственный переворот или нет? В любом случае, речь идет о захвате власти армией и ее командующим, министром обороны Абдулом-Фаттахом ас-Сиси.

НЕСООТВЕТСТВИЕ КОНЦЕПЦИЙ

Такое замешательство несложно понять. С самого начала так называемой «арабской весны» (она сейчас все больше начинает походить на «кровавую зиму») американцы и европейцы пытались понять происходящее и рассмотреть ситуацию в разных странах, от Туниса до Сирии и Ливии, Йемена и Египта, на основе знакомых им концепций и понятий (переходный процесс, демократия, ценности, права человека и т.д.), хотя те совершенно не подходили для текущих условий. Стартовавшая чуть больше месяца назад цепочка событий в Каире только усилила всеобщее смятение. 3 июля президент Мохаммед Мурси, который одержал победу на (более-менее) свободных выборах, хотя и является выходцем из исламистского движения «Братья-мусульмане», был свергнут народным движением либералов и демократов при поддержке армии. Однако полтора месяца спустя все те же военные пошли на силовое столкновение с поддерживающей «Братьев-мусульман» частью населения (в результате погибли несколько сот человек) и ввели в стране чрезвычайное положение под аплодисменты представителей демократичес-

ких и либеральных кругов (за редкими исключениями, к числу которых относится Мохаммед эль-Барадеи).

СИТУАЦИЯ В ЕГИПТЕ

Бывший генеральный директор МАГАТЭ и лауреат Нобелевской премии мира 1995 года подал в отставку с поста вице-президента Египта, выразив тем самым протест против кровопролития. За неделю до этого он подчеркнул значимость объединения сил революционеров и армии против избранного президента. По его словам, если бы Мохаммед Мурси остался у власти, «мы получили бы фашистское государство и гражданскую войну». Однако чуть позже армия вновь ввела чрезвычайное положение, которое просуществовало в стране 30 лет вплоть до свержения Мубарака в феврале 2011 года!

РАЗМЫТАЯ ИДЕОЛОГИЯ

«Раньше» все действительно было относительно просто. Лагеря были четко разграничены, либералы выступали против военных, демократы против националистов, светские деятели против клерикалов, модернисты против ислама (в политике), левые против правых. Однако сейчас в Египте, как и во всем арабском мире, идеологические границы размываются, союзы меняются, интересы пересекаются и противоречат друг другу. Хотя «Братья-мусульмане» и были избраны большинством их сограждан, они продемонстрировали полнейшую некомпетентность в управлении страной, гегемонические замашки во власти и догматизм в религии. Они с презрением относятся к меньшинствам и никак не могут считаться демократами. Однако их впоследствии свергли самопровозглашенные демократы при помощи армии, которая явно не стремится к формированию правового государства и хочет любой ценой сохранить за собой экономические привилегии (на принадлежащие ей предприятия приходится четверть ВВП страны). Таков египетский парадокс.

В начале 1990-х годов похожая ситуация была в Алжире. Попытка открытости и реформ (это движение пошло сверху, а не стало результатом на-

¹ Источник: <http://www.slate.fr/story/76548/printemps-arabe-democratic-transition-confusion>

родного восстания) вылилась в проведение относительно свободных выборов. Исламский фронт спасения набрал 47% голосов в первом туре, однако второй был отменен военными к неподдельной радости «светских» политиков и западных правительств. Впоследствии страна погрузилась в многолетнюю гражданскую войну, которая унесла жизни 200 000 человек. Приход к власти исламистов, безусловно, был чреват серьезными рисками, однако отмена выборов нанесла удар идее демократии и подчеркнула «лицемерие» Запада.

ПРОДВИЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ СИЛОЙ

После «арабской весны» 2011 года Запад старался не повторять прежних ошибок. Он начал диалог с «умеренными» исламистами (это относится, например, к возглавившему французский МИД в начале 2011 года Алену Жюппе), однако выставил и собственные условия: соблюдение основополагающих свобод, прав женщин и меньшинств и т. д.

Речь шла о кардинальных переменах по сравнению с политикой предыдущих десятилетий, когда западные государства и авторитарные страны Персидского залива поддерживали арабские диктатуры во имя международной стабильности. Историки проводят параллели с началом XIX века в Европе. В 1815 году монархии договорились о гарантиях статус-кво на Венском конгрессе. Сложившуюся систему потрясла «весна народов» 1848 года, которая была подавлена, но все же принесла плоды несколько десятилетий спустя. Однако параллель можно продолжить и дальше. Поведение США времен Буша-младшего на Ближнем Востоке немного напоминает курс Наполеона в контрреволюционной Европе. В 2003 году американцы вторглись в Ирак и свергли Саддама Хусейна под предлогом поиска оружия массового уничтожения. Тем не менее, стоявшие за Бушем неоконсерваторы строили куда более масштабные планы. Иракская экспедиция должна была стать прелюдией к демократизации всего региона. «Наш путь начинается в Багдаде», гласила опубликованная в 2003 году книга Билла Кристола (Bill Kristol) и Лоуренса Каплана (Lawrence Kaplan). Тем не менее, продвижение демократии силой не сработало ни в Ираке, где до сих пор не стихает война шиитов и суннитов (июль этого года поставил рекорд по числу жертв после ухода американцев), ни где-то еще.

В Ливии после свержения Каддафи кланы и подконтрольные им вооруженные отряды не

желают подчиняться слабой центральной власти. В Сирии мирные народные протесты постепенно переросли в гражданскую войну между режимом Башара Асада и радикальными исламистскими группами при полном бессилии сирийских демократов и Запада. В Тунисе одержавшие победу на выборах исламисты из Партии возрождения показали себя такими же некомпетентными, как египетские «Братья-мусульмане», и сейчас ведут противоборство со светским лагерем, который пользуется поддержкой влиятельных профсоюзов. Приписанное салафитам убийство двух депутатов подлило масла в огонь. Тем не менее, ситуация не так драматична, как в Египте: тунисская армия не устраивает путчей, тогда как светские традиции в этом государстве прочнее и древнее, чем в любой другой стране региона. Египетская трагедия могла бы послужить всем уроком и подтолкнуть различные политические силы Туниса к поиску хоть какого-то консенсуса, который бы включал в себя самые разные течения.

НИКАКОГО ПЕРЕХОДА К ДЕМОКРАТИИ НЕТ

Как бы то ни было, есть одно слово, которое нужно непременно исключить из всей аналитики по «арабской весне». Речь идет о «переходе» или «переходном процессе». Дело в том, что оно отражает беспочвенный оптимизм, словно арабские страны (хотя это верно и в других регионах мира) могут постепенно и без каких-то потрясений продвигаться вперед от диктатуры к демократии. Все выглядит так, будто здесь существуют некие предопределенные заранее этапы, которые нужно пройти один за другим. Ничего подобного не существует, пусть восточноевропейский прецедент и мог создать обманчивое впечатление. Государства Центральной Европы на первый взгляд действительно могут служить примером успешного перехода от коммунизма к демократии и вступлению в Европейский Союз. Тем не менее, для этого были созданы все необходимые условия, главным из которых стала привлекательность ЕС для этих стран (их отрезали от Западной Европы в 1947 году) и готовность Евросоюза принять их. Однако за пределами этой сферы влияния путь от диктатуры к демократии был гораздо тернистее. Взгляните на Кавказ и бывшую Югославию.

Но означает ли это, что арабская весна осталась в прошлом? Джинна уже выпустили из бутылки. Сотни молодых людей смогли преодолеть страх и вышли на улицы, чтобы заявить о своих потреб-

ностях, недовольстве, желании быть услышанными. Первый опыт принес разочарование. Но иначе ведь и быть не могло после десятилетий диктатуры в государствах, где множество дипломированных специалистов сидят без работы, а гражданское общество еще не успело сформироваться или же подмято религиозными движениями.

Эти первые попытки напоминают нам об известной всем прописной истине, которую, тем не

менее, нередко упускают из вида: демократия — это не только свободные выборы, человек или голос. Это целая система институтов, властей с их противовесами, чередование руководства, уважение к меньшинствам со стороны большинства, которое должно понимать, что его положение отнюдь не вечно... Это долгий путь ученичества, по которому прошли США и Европа перед тем, как стать (безусловно, несовершенными) демократиями.